

Ирена Шпадиер

Белградский университет, Сербия

i.spadijer@gmail.com

DOI: 10.31168/91674-576-4.38

**Человек пишущий – человек присутствующий
в древнесербской агиографии**

—

—

В работе анализируются две сцены смерти в древнесербской литературе: в *Житии святого Симеона Саввы Сербского* и в *Житии королевы Елены* архиепископа Даниила Печского. Попытаемся указать на их особое место в корпусе сербской средневековой литературы, на элементы, которые их объединяют, на моменты, по которым они различаются, и рассмотрим эти сцены особенно с позиции общепринятой агиографической топика и авторского отношения к самой теме.

Ключевые слова: *смерть в средневековой агиографии, Савва Сербский, Даниил Печский, Житие св. Симеона, Житие королевы Елены*

Средневековая книжность почивает на тописах. Казалось бы, не существует ни одного сегмента ни одного литературного произведения средних веков, независимо от жанра, которое не состояло бы из общих мест. Топосы и литературный этикет суть ключ коммуникации, которую осуществляет языковое произведение средневекового искусства: общее место (τόπος) — это условное обозначение, знак, создающий возможность для общения, а не банальность, как сегодня. Система знаков кодирует и одновременно декодирует некое содержание мысли, вызывая определенное эмоциональное состояние. Топика, таким образом, служит для литературной коммуникации; но, с другой стороны, она является обозначением общего и абстрактного, универсального смысла, который таким путем сообщается реципиенту [Богдановић 1980: 62–63].

185

В настоящей работе наше внимание уделяется двум сценам смерти в древнесербской литературе. Речь идет о прощании с жизнью монаха Симеона в первом сербском агиографическом сочинении – *Житии святого Симеона* святого Саввы [Свети Сава 1998: 148–191], и о преставлении сербской королевы Елены Анжуйской – в *Житии королевы Елены* архиепископа Даниила II (Печского) [Данило II 1988: 79–107]. Попытаемся указать на их особое место в корпусе сербской средневековой литературы, на элементы, которые их объединяют, на моменты, по которым они различаются, и рассмотрим эти сцены, особенно с позиций привычной агиографической топики и авторского отношения к самой теме.*

Житие святого Симеона написал около 1207 г. его сын Растко, в монашестве названный Савва. Оно составляет первую главу Типика монастыря Студеница и предназначено прежде всего для братства этого монастыря. Небольшое по объему и подчиненное контексту, житие не имеет типичной композиции византийской агиографии. После почти сказочного начала Савва перечисляет заслуги Немани и его наследие, а затем, подчеркнув, что изложение будет сжатым, начинает излагать мотивацию Немани отречься от престола и посвятить себя жизни духовной. Следует уход Симеона на Афон, встреча с сыном (Саввой), который уже несколько лет пребывает на Святой Горе Афонской, болезнь почтенного старца и развернутая сцена его смерти, наиболее драматическая и в то же время наиболее лирическая сцена в древнесербской литературе. Наблюдая день за днем за этой последней неделей земного бытия Симеона, мы становимся свидетелями нежных диалогов, которыми обме-

* О феномене смерти и отношении к ней в средневековую эпоху написаны блестящие труды целого ряда историков, здесь приведем лишь некоторые работы: [Huizinga 1919], [Ariès 1975], [Ariès 1977 (Арьес 1992)], [Le Goff, Truong 2003 (Ле Гофф, Трюон 2008: 118–128)], [Марјановић-Душанић 2004: 586–615].

ниваются отец и сын – главный герой и автор произведения. Драматический эффект производит сцена, в которой Симеон благословит Савву, произнося слова любви и заботы, которые прерываются авторскими вставками – описанием поз персонажей, частей тела и выражений, которые приводятся в градационном ряду. Восхваляя Господа, преподобный Симеон расстается со своей душой, а его сын и агиограф, надолго предавшись плачу, скорбит о нём.

Последнее прощание святого Симеона с этим светом изобилует привычными топосами и множеством библейских цитат, в основном, ветхозаветных – из Притчей Соломоновых, Псалмов, I книги Моисеевой (Бытие), а также новозаветных парафраз о любви из Евангелия от Иоанна. Однако то, почему данный сегмент *Жития святого Симеона* является особенным, – это именно то самое личное, индивидуальное авторское выражение, свидетельство очевидца, того самого *присутствующего*, причем не как нейтрального, «объективно» записывающего событие наблюдателя, а как участника, глубоко втянутого в само событие.

Второе житие, из которого анализируется сцена смерти, – это *Житие королевы Елены*, написанное во втором десятилетии XIV в. Его автор, сербский архиепископ Даниил Печский, был не просто церковным сановником, но и доверенным лицом сербской королевской семьи. Этот талантливый писатель известен как главный автор сборника *Жития королей и архиепископов сербских*. Одно из сочинений в этом сборнике посвящается сербской королеве Елене Анжуйской.

Развивая повесть о Елене с того момента, когда она перестает быть правительницей, Даниил, разумеется, ставит акцент на ее духовную жизнь – внутренние тревоги и переживания, а также на ее богоугодные дела. Кульминационной же точкой произведения становится сцена смерти королевы (ныне уже

монахини) Елены. По объёму, значению и месту, которое эта сцена занимает в произведении, её можно сравнить в древнесербской литературе лишь с описанием смерти святого Симеона в *Житии* Саввы. Но по структуре, атмосфере и самой природе она сильно отличается, ведь отличалась и реальная ситуация. В медиевистике сцена преставления Елены детально изучена, так что здесь мы обращаем внимание на уже отмеченные детали: на театральность сцены и события, в котором участвует множество персонажей – Елена сзывает людей, чтобы они были рядом в момент ее ухода, «появляются личности в движении, которые становятся почти окаменевшими от боли в сильнейшем выражении», собираются духовники, иереи и монахи, среди которых и Даниил, «одр становится центром, вокруг которого строится мизансцена всей картины» [Трифуновић 1973: 27–28]. Всё это напоминает картину Успения Богородицы на средневековой фреске, на что указывает и сам писатель, не упуская подчеркнуть и собственное участие в этом событии.

В обоих случаях, представленных нами, речь идёт об авторах, которые не только имеют особое отношение к литературным героям, смерть которых они описывают, но и реально *присутствуют* в момент их ухода из земной жизни, причем это на деле и ощущается: писатель в обоих случаях – и *человек пишущий*, и *человек присутствующий*. Различия в литературных приёмах проистекают (кроме, разумеется, индивидуального художественного выражения) из того типа эмоционального отношения, который авторы испытывают к своему герою, а также из отношения к существующей художественной традиции. Тогда как святой Савва, будучи сыном умирающего героя, окрашивает сцену ярко личными, лирическими тонами, Даниил Печский помещает сцену в известную иконографическую мизансцену Успения Богородицы, вводя таким образом свою героиню в рамки официальной священной истории. Гово-

ря языком изобразительного искусства, первое – это миниатюра, а второе – монументальная фреска. Однако и первый, и второй автор превосходят заданные рамки жанра (ср. [Кроче 1934: 106]) и узнаваемую надежность топосов, позволяя тем самым *человеку читающему* разных эпох испытать истинное удовольствие и наслаждение чтением агиографического текста.

–

189

–

Литература

Ariès 1975 – Ariès Ph. Essais sur l'histoire de la mort en Occident: du Moyen Âge à nos jours. 1975.

Ariès 1977 – Ariès Ph. L'Homme devant la mort, 1977 (Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М. 1992.)

Богдановић 1980 – Богдановић Д. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.

Данило II 1988 – Данило Други. Животи краљева и архиепископа српских. Службе. Прир. Г. Мак Данијел, Д. Петровић, прев. Л. Мирковић, Д. Богдановић, Д. Петровић. Београд, 1988.

Кроче 1934 – Кроче Б. Естетика као наука о изразу и општа лингвистика. Београд, 1934. (Croce B. L'Estetica come scienza dell' espressione e linguistica generale. Palermo, 1902).

Ле Гофф, Трюон 2008 (Le Goff, Truong 2003) – Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М. 2008 (Le Goff J. Truong N. Une histoire du corps au Moyen-Âge. 2003).

Марјановић-Душанић 2004 – Марјановић-Душанић С. Смрт и светост // Приватни живот у српским земљама средњег века. Прир. С. Марјановић-Душанић и Д. Поповић. Београд, 2004.

Свети Сава 1998 – Свети Сава. Сабрана дела. Прир. и прев. Т. Јовановић. Београд, 1998.

Трифуновић 1973 – Трифуновић Ђ. Проза архиепископа Данила II // Књижевна историја, IX, 33. Београд, 1976. С. 3–71.

Huizinga 1919 – Huizinga J. Herfstij der Middeleeuwen. Haarlem, 1919.

Irena Špadijer

University of Belgrade, Serbia

i.spadijer@gmail.com

Homo Scribens – Homo Praesens
in Old Serbian Hagiography

190

The paper deals with two death scenes depicted in the Old Serbian Literature: one in the Life of Saint Simeon written by St. Sava, and the other in the Life of Queen Jelena written by Danilo II, the Archbishop of Peć. The author points to the specific place that these two scenes have in the corpus of Serbian medieval literature, identifies both the common and distinguishing elements in them, and analyses the scenes from the perspective of the traditional hagiographic *topoi* and the author's standpoint regarding this topic.

Keywords: *death in the medieval hagiography, St. Sava, Danilo II of Peć, The Life of St. Simeon, The Life of Queen Jelena*

Мария Шульга

DOI: 10.31168/91674-576-4.39

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Россия

shoulga@mail.ru

Четыре века одной метаязыковой дескрипции

Разграничение по роду адъективных парадигмно-жественногочисла типа **обоихъ – обѣихъ** ведет свое начало от русских грамматик XVIII в. В.Е. Адодурова, М.В. Ломоносова, А.А. Барсова. Материалы НКРЯ показывают, что формы типа **обоихъ – обѣихъ** в текстах XVIII в. взаимозаменяемы. Дифференциация по роду врусские парадигмы множественного числа была перенесена изцерковнославянских парадигм двойственно-